

Ланьчэн, поместье Цинь

В изящной, пропитанной тонким чайным ароматом комнате восседал благородный молодой господин. Перед ним, благоговейно склонив голову, стоял юный слуга. В его руках был бережно развернут старинный поврежденный свиток.

— Молодой господин, вещь у нас, — тихо произнес юноша.

— Читай.

Слуга послушно опустил взгляд на ветхие строки:

— «Техника Воскрешения, также именуемая техникой Нирваны. Согласно преданиям, сие таинство сотворено древним божественным племенем Фениксов ради возвращения к жизни тех, кто сердцу дороже всего. Однако летописи последних столетий хранят немало горьких уроков. Изъяны этой магии неисчислимы, о чем и гласит сие предисловие в назидание потомкам.

Первое. Заклинатель обязан принести в жертву тридцать лет собственной жизненной эссенции, дабы подарить усопшему лишь хрупкий призрак надежды. Даже если воскрешение завершится крахом, утраченные годы и кровь вернуть невозможно.

Второе. Коль скоро ритуал увенчается успехом, восставший из мертвых уподобится новорожденному младенцу. На подсознательном уровне он станет видеть в своем спасителе единственного, самого близкого и желанного человека, повинуюсь ему беспрекословно. Но с течением времени этот контроль неизбежно начнет слабеть.

Третье. К усопшему могут вернуться воспоминания, однако они никогда не станут прежними и целостными. Исключением является лишь тот случай, когда телом овладел свирепый призрак...»

На этих словах тяжелая дверь с грохотом распахнулась.

— Кого это вы собрались воскрешать? — раздался резкий, ледяной голос.

Вошедший выглядел измотанным, на его растрепанных одеждах виднелись следы недавней схватки. Это был Дуань Цинь, которого удерживали в поместье Цинь за долги.

При виде незваного гостя благородный господин лишь лениво изогнул бровь:

— Надо же, у молодого господина Дуаня обнаружилась страсть к подслушиванию. Какая жалость, чаем я тебя угощать не планировал.

Дуань Цинь медленно двинулся вперед, не сводя с него мрачного, тяжелого взгляда:

— Цинь Юй, отвечай. Кого ты хочешь вернуть?

Почувяв угрозу, книгоноша немедленно заслонил собой хозяина и вежливо, но твердо произнес:

— Молодой господин Дуань, прошу вас, отойдите.

— Какого хера ты встал у меня на пути?! — Гнев, копившийся за дни неволи, мгновенно вырвался наружу. Дуань Цинь сжал пальцы в кулак и нанес резкий удар прямо в лицо слуге.

Раздался глухой хлопок.

Тонкие, ухоженные пальцы Цинь Юя перехватили чужой кулак у самого лица юноши. За рукой скрывалась его привычная, слегка прохладная улыбка, сквозь которую сквозила явная угроза:

— У моего слуги такое милое личико, а ты распускаешь руки? Дуань Цинь, неужели ты не понимаешь, что твои одежды тоже могут пойти в счет уплаты долга?

Тот помрачнел еще сильнее и рывком высвободил руку:

— Что тебе от меня нужно?

— Вообще-то, это я должен спросить, — Цинь Юй небрежно раскрыл ладонь, и слуга, мгновенно уловив жест, принялся мягко разминать ему плечи. — Если я скажу, что хочу воскресить твоего старшего брата... как ты поступишь? Попытаешься помешать или?..

— Я помогу тебе.

Ответ прозвучал без секундного колебания.

Цинь Юй искренне удивился:

— Так легко согласился? Ты ведь, кажется, ненавидел его?

— К чему этот фарс? — процедил Дуань Цинь. — Ты нарочно ослабил охрану и заманил меня сюда. Разве не ради моей помощи все это затевалось?

— Угадал наполовину, — улыбнулся Цинь Юй. — По правде говоря, твои долги с самого начала были частью моего плана. В конце концов, чтобы проверить столь темное и зловещее дело,

нужны люди с соответствующей репутацией, не так ли? Только не злись. Я имею в виду весь ваш клан Дуань, а не тебя лично.

Дуань Цинь уже готов был разразиться проклятиями, но его оборвал настойчивый, частый стук в дверь.

— Господин, позвольте мне проверить, — слуга отпустил плечи хозяина и поспешно скрылся за дверью. Спустя мгновение он вернулся, бледный и встревоженный. — Господин, случилась беда.

— Говори.

— Тело Гун Чэня... исчезло.

Лица Цинь Юя и Дуань Циня мгновенно окаменели.

Исчезло?

Шорох, тихий перестук...

Что-то мягко покатилося по полу и замерло, едва коснувшись сапога Гун Чэня.

Серебряный венец шисюня.

Гун Чэнь сглотнул, вглядываясь в блестящий металл.

— Гун Чэнь, — невозмутимо произнес Сюй Цыань. Белые пряди в его руках в то же мгновение окрасились в привычный угольно-черный цвет, скрывая следы платы за ритуал. — Подними его, пожалуйста.

— Хорошо, — послушно отозвался Гун Чэнь. Он опустился на одно колено, бережно поднял венец и аккуратно очистил его краем широкого рукава. Сжав украшение в ладони, он поднял взгляд, полный нежной, сияющей теплоты. — Здесь нет зеркала. Позволь мне помочь тебе причесаться, шисюнь?

Он смотрел на Сюй Цыаня так трепетно и кротко, словно пугливый олененок.

Если бы не те белые пряди, Сюй Цыань наверняка ответил бы согласием. Но этот ослепительный, пугающий призрак седины безжалостно напомнил о цене. Нынешний Гун Чэнь

— лишь создание, сотворенное ценой тридцати лет его собственной жизненной силы.

«Самый близкий. Беспрекословное послушание...»

«Почему же я не подумал об этом раньше?»

Сюй Цыань почувствовал, как холодеют кончики пальцев.

Тот нежный шепот на улицах Призрачного рынка: «Шисюнь, я пришел, чтобы сочетаться с тобой браком»... Те горячие объятия во время взрыва бумажного фонаря... Та отчаянная решимость, с которой Гун Чэнь оттолкнул его перед лицом смертоносного мечевого строя...

Неужели все это было лишь проявлением глупого, навязанного инстинкта новорожденной птицы?

Разум Сюй Цыаня прояснился.

С момента, как он узнал о гибели возлюбленного, через безумную решимость использовать запретное искусство и до странной, призрачной свадьбы — его измученное сознание еще никогда не было столь кристально трезвым.

Он прикрыл глаза и протянул руку за венцом:

— Не нужно. Я сам.

Гун Чэнь внезапно отдернул руку назад, пристально глядя на него снизу вверх.

— Отдай, — нахмурился Сюй Цыань.

Гун Чэнь послушно протянул украшение, но в самый последний момент крепко сжал пальцы. Его бледная, широкая ладонь накрыла пальцы Сюй Цыаня вместе с серебряным венцом.

Не давая шисюню разозлиться, он тихо произнес:

— Не могу, шисюнь.

— Что еще за капризы?

— Капризничая не я, а ты, шисюнь. Как ты можешь прогонять меня, если сам... — Гун Чэнь запнулся, всматриваясь в его лицо, — ...смотришь на меня так, будто больше всего на свете

хочешь, чтобы я помог тебе?

Сюй Цыань молча глядел на него несколько долгих мгновений.

— Я действительно так смотрю?

— Мне кажется, да.

Впервые в жизни.

То ли он действительно не сумел скрыть обуревавшие его чувства, то ли Гун Чэнь просто выдавал желаемое за действительное... Впрочем, какая разница.

Сюй Цыань без лишних слов ухватил Гун Чэня за воротник и притянул к себе:

— И что, по-твоему, означает этот жест?

— Возможно, — Гун Чэнь осторожно положил свободную ладонь на его шею, и его взгляд потемнел, — мне сейчас стоит закрыть глаза?

Этот парень действительно умел лишать остатков самообладания.

— Нет, — Сюй Цыань наклонился и едва ощутимо коснулся его губ своими, — смотри на меня.

Это был легкий, невесомый поцелуй, лишенный, однако, былой чистоты.

Холодные шелковистые пряди скользнули по лицу Гун Чэня, но вместо прохлады они принесли лишь нестерпимый жар, словно в его грудь плеснули кипящего масла. Внутри все полыхнуло огнем.

— Я ведь обещал наказать тебя, — прошептал Сюй Цыань, не размыкая губ.

Наказание.

Гун Чэнь вспомнил. Когда он, готовясь принять удар мечевого строя Ли Наньюань, запечатал акупунктурные точки Сюй Цыаня и оттолкнул его, тот яростно пообещал: «Вот приду в себя — и не пощажу тебя».

Но разве это наказание?

Гун Чэнь послушно приоткрыл рот, принимая каждое прикосновение — и легкие ласки, и резкие, собственнические укусы.

Но интуиция подсказывала ему: здесь кроется что-то еще.

Он вглядывался в полуприкрытые глаза Сюй Цыаня, видя в глубине зрачков собственное отражение, опутанное чем-то темным и непреодолимым. Вырваться из этого плена было невозможно, да он и не желал этого.

Вдруг Гун Чэнь почувствовал, как на язык пролилась теплая влага с привкусом железа и едва заметной сладостью.

Снову кровь.

Осознав это, он попытался отстраниться, но Сюй Цыань властно прижал его к полу, заставив упереться затылком в деревянную опору беседки, и углубил поцелуй.

— Шисюнь... нет... — с трудом выдохнул Гун Чэнь, пытаясь высвободиться.

— Это мой дар, — Сюй Цыань прикусил его нижнюю губу, а в глазах его вспыхнуло опасное пламя. — Как ты смеешь отвергать его?

Сердце Гун Чэня испуганно дрогнуло. Не зная, как остановить эту безумную заботу, он скользнул пальцами по талии шисюня и ощутимо ущипнул его за бедро.

Сюй Цыань на мгновение замер.

Это подействовало, но до полной победы было еще далеко.

Гун Чэнь сжал пальцы сильнее.

В следующую секунду его горло перехватила крепкая ладонь.

— Гун Цзинъюй, — Сюй Цыань наконец отстранился, слизывая с губ алую нить, и процедил сквозь зубы: — Жить надоело?

— Шисюнь, мне больно...

— Не притворяйся.

Гун Чэнь притворно закашлялся:

— Ты забыл? Меня ведь уже однажды едва не задушили до смерти.

Стоило этим словам прозвучать, как пальцы на его шее мгновенно разжались.

«Пронесло», — мысленно выдохнул Гун Чэнь.

Сюй Цыань одарил его холодным взглядом и поднялся на ноги. Гун Чэнь тут же ухватился за край его широкого рукава.

— Шисюнь, зачем ты заставляешь меня пить твою кровь? С твоим телом ведь все в порядке? — с тревогой спросил он, поднимаясь следом.

— Зачем? — Сюй Цыань издал короткий, резкий смешок. — Как, по-твоему, я держу тебя на привязи? Если бы не та кровь, которой я пичкал тебя во время ритуала, ты бы сейчас здесь не стоял. Но, как я вижу, этого все еще мало. Отныне за каждое непослушание ты будешь получать новую порцию.

Он перевел дыхание и добавил ледяным тоном:

— Так что даже не думай снова бросаться под чужие мечи ради моего спасения. Если ты посмеешь умереть еще раз, я лично вырежу всю твою семью и твоих друзей, чтобы они отправились вслед за тобой... Ты что делаешь?

Гун Чэнь молча шагнул вперед и крепко обнял его за талию, прижимаясь всем телом:

— Шисюнь.

Он заговорил хрипло, едва сдерживая чувства:

— Твои слова звучат так, будто ты мечтаешь уйти в мир иной вместе со мной.

Сюй Цыань оцепенел на мгновение.

— Вовсе нет.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он тихо закончил:

— Я просто хочу, чтобы ты жил.

Как странно.

Его шисюнь действительно изменился. Раньше из его уст невозможно было услышать слова, способные так глубоко ранить сердце сладкой нежностью.

Гун Чэнь ласково коснулся кончиков его волос:

— На том банкете в поместье Сюй... Если бы не ты, я бы не дожил и до двенадцати лет. А ведь я тогда сбежал, даже не поблагодарив тебя как следует. Это было так невежливо.

— Глупости, — Сюй Цыань опустил взгляд, но убирать его руки не стал. — Я же говорил, что мне не нужны твои благодарности. К тому же ты ведь потом прислал мне...

Осознав, что сболтнул лишнее, он мгновенно осекся.

— Нефритовую подвеску, — подхватил Гун Чэнь. — Но это не считается. Ее украли до того, как я смог вручить ее тебе лично.

— Украли? — Сюй Цыань возмущенно вскинул голову. — На ней было выгравировано мое имя! И после этого ты смеешь утверждать, будто я ее украл?

— Я оговорился, — тихо рассмеялся Гун Чэнь. Он обошел его кругом и принялся бережно распутывать его темные пряди. — Значит, это действительно был ты. Почему же ты молчал? Неужели стеснялся?

— Вовсе нет.

— Правда?

— Я же сказал — нет, — отрезал Сюй Цыань. — Если тебе так не терпится узнать правду, я расскажу. Скажи, тебе никогда не казалось странным, что во время того поединка твои одежды внезапно разлетелись в клочья?

Гун Чэнь задумался:

— Я думал, противник затаил на меня злобу и сделал это намеренно.

— Ошибаешься. Злобу затаил не он, а я. Это я велел ему изорвать твои одежды. И просил сделать это как можно изящнее.

— Но...

— Он отлично справился, я остался доволен и в награду подарил ему редкий трактат по самосовершенствованию.

— Зачем...

— Теперь ты удовлетворил свое любопытство?

Гун Чэнь замер за его спиной, не зная, что сказать.

Шелковистые темные волосы струились сквозь его пальцы, источая едва уловимый, чарующий аромат. Они были такими же притягательными, как и их сонный владелец всего пару часов назад.

Но стоило сделать шаг навстречу, как эта красота оборачивалась острыми иглами, безжалостно отталкивая его прочь.

— Прости, — наконец тихо произнес Гун Чэнь. — Я потерял голову. Мне следовало помнить, что в те годы ты меня просто терпеть не мог.

Сюй Цыань, казалось, тоже погрузился в те далекие воспоминания. Его лицо омрачилось:

— А как иначе? Вечно ты выражался во все черное, словно головешка из печи. На тебя же смотреть было тошно.

Гун Чэнь ошеломленно замер.

«Словно головешка»? Значит, его злило вовсе не его присутствие, а лишь цвет его одежд?

В памяти мгновенно всплыли обрывки чужих воспоминаний из круга перерождений Ин Чуньлай. Тогда он краем уха слышал разговор шисяня со старшей сестрой Ин Вань. Что же тогда сказал Сюй Цыань?

«Черный цвет ему совершенно не идет. Красный подошел бы куда лучше».

Красный?

Когда те злосчастные черные одежды пришли в негодность, он попросил Ин Вань починить их. Но на самом деле иголку с ниткой в руках держал шисянь. А после старшая сестра вручила ему новое облачение.

Какого цвета оно было?

Ярко-красного!

Словно тысячи праздничных огней разом вспыхнули в мыслях Гун Чэня.

Сюй Цыань проделал весь этот сложный, нелепый путь лишь ради того, чтобы подарить ему красные одежды.

Неужели все было так просто?

Действительно так просто.

Бережно закрепив серебряный венец на его голове, Гун Чэнь не удержался и уткнулся лицом в теплую шею Сюй Цыаня, тихо выдыхая:

— Шисюнь...

— Ну что еще? — недовольно отозвался тот, хотя на его шее проступила едва заметная розовая краска.

— Скажи мне, — прошептал Гун Чэнь ему на ухо, — не стоит ли мне отныне всю жизнь носить лишь те одежды, которые тебе по душе?

<http://bllate.org/book/20729/2162711>